

– Франсуаза, неужели я, по-вашему, такой жестокий, такой злобный человек, что мне достаточно взглянуть на женщину, чтобы сожрать ее заживо? Почему же вы так боитесь того, кто больше всего печется о вашей чести и о вашем благе? Вы знаете, что я везде искал случая видеть вас и говорить с вами, но мне это никак не удавалось. Чтобы причинить мне огорчение, вы перестали бывать в тех местах, где я привык встречать вас за мессой, вы захотели, чтобы не только уста мои не могли ничего сказать вам, но и глаза мои лишились своей последней радости. Но все это ни к чему не привело – как и прежде, я добивался встречи с вами, и вы видите, каким способом я пробрался к вам в дом. Я чуть не сломал себе шею, я нарочно упал с лошади только для того, чтобы вкусить наслаждение от разговора с вами наедине. Поэтому прошу вас, Франсуаза, раз эта встреча досталась мне такой ценой, пусть она не будет напрасной и пусть моей великой любовью я завуюю и вашу.

Он долго ждал ее ответа – и видя, что на глазах у нее появились слезы и она потупила взор, он притянул ее к себе и попытался обнять и поцеловать.

– Нет, ваша светлость, – решительно сказала она, – нет! Тому, чего вы хотите, не бывать, ибо пусть я даже всего лишь букашка в сравнении с вами, честь моя так мне дорога, что я готова лучше умереть, чем поступиться ею, какие бы улады мне это ни сулило. И от страха перед теми, кто видел, как вы пришли сюда, и кто догадывается, чего вы от меня хотите, я трепещу и дрожу. А раз уж вам было угодно оказать мне такую честь и говорить со мной, то не посетуйте на меня, если я отвечу вам так, как мне велит моя честь. Ваша светлость, я вовсе не так глупа и не так слепа, чтобы не видеть и не знать, каким красивым и каким обходительным господь создал вас, и чтобы не понимать, что та, которой достанется красота и любовь такого принца, будет счастливейшею из смертных. Но что мне до всех этих благ, если все это – не для меня и не для женщины моего положения, и было бы величайшим безумием, если бы я стала даже помышлять об этом? что же заставляет вас обращаться ко мне? Должно быть, дамы вашего двора (которых вы, разумеется, любите, если вы вообще любите красоту и женскую прелесть) столь добродетельны, что вы даже не смеете ни о чем просить их, не надеясь получить то, что вы рассчитываете найти у меня, которая много ниже их по званию? И я уверена, что стоит вам добиться своего от такой, как я, вы будете лишним два часа потешаться потом с вашей возлюбленной, рассказывая ей о победах, которые вы так легко одержали над женской слабостью. Но да будет вам известно, ваша светлость, что я не принадлежу к числу таких женщин. Я воспитывалась у вас в доме, и там я поняла, что значит любить; отец мой и мать были вашими верными слугами. Поэтому, коль скоро господь не сделал меня ни принцессой, которая могла бы выйти за вас замуж, ни ветреницей, которая могла бы стать вашей любовницей и подругой, не причисляйте меня к этим несчастным и знайте, что я почитаю вас за достойнейшего из принцев, какие только существуют на свете. А если для того чтобы вместе провести время, вам нужна женщина моего состояния, то у нас в городе вы найдете немало таких – и притом более красивых, чем я, – и вам не придется так долго их упрашивать. Поэтому остановите ваш выбор на такой из них, которой вы доставите удовольствие тем, что купите ее честь, и не терзайте ту, которая любит вас больше себя самой. Ведь если бы случилось так, что господь призвал бы сейчас к себе вас или меня, я почла бы за счастье отдать мою жизнь, чтобы спасти этим вашу. Не оттого ведь я сейчас и бегу от вас, что у меня нет к вам любви, а оттого, что любви этой слишком много и что» мне дорога совесть моя и ваша. Ибо честь моя мне дороже, чем жизнь. И если вам будет угодно, ваша светлость, разрешите мне оставаться вашей верной служанкой, и я всю мою жизнь буду молить бега, чтобы он даровал вам здоровье и благополучие. Правда, честь, которую вы хотите мне сказать, способна заставить мужчин моего звания больше меня ценить, ибо теперь, после того как я увидела вас, разве мне захочется глядеть на кого-нибудь из них? И сердце мое станет отныне свободным – или, напротив, связанным тем, что я всегда буду молить за вас бога, ибо другого я ничего не могу для вас сделать.

Хоть девушка и говорила совсем не то, что хотелось услышать принцу, – внимая ее благородным речам, он не мог не преисполниться уважением к ней. Разговаривая с ней, он старался, как мог, убедить ее, что никогда не полюбит другой. Но девушка была настолько скромна, что никак не могла принять всерьез столь безрассудные речи. И хотя за это время принцу несколько раз докладывали том, что одежда его принесена, ему было так хорошо, что он послал в замок сказать, что прилег уснуть, и стал собираться туда только к ужину, ибо не мог ослушаться своей матери, одной из добродетельнейших женщин на свете. Так он и покинул ни с чем дом кравчего, после этого еще больше уверившись в чистоте этой девушки. Принц не раз говорил о ней молодому придворному